

Прочитав этот заголовок, проницательный читатель непременно вспомнит школьные, студенческие или новогодние балы своей молодости. И ошибётся! Речь пойдёт о коломенских балах давно минувших времён — XIX и начала XX веков. А здесь наш читатель выразит удивление: «Какие в уездной Коломне могли быть балы? Другое дело — в Петербурге, Москве или другом большом городе!»

Действительно, русская литература сохранила для нас великолепные образы таких бальных церемоний: «Открылся бал. Кружась, летели / Четы молодые за четой» (А. Одоевский) или «Пылает тысячью огней / Обширный зал; с высоких хоров / Ревут смычки; толпа гостей; / Гул танца с гулом разговоров» (Е. Баратынский). А популярный романс на стихи А. К. Толстого «Средь шумного бала» или знаменитый первый бал Наташи Ростовской... К тому же картины увеселений всегда сопровождались описанием палитры чувств лирических героев. ...Волнующие звуки оркестра... Кавалеры и дамы, торжественно шествующие в полонезе или летящие в лёгкой мазурке... Красноречивые взгляды и мимолётные касания... Обычные, ни к чему не обязывающие, но так много значащие слова... А после разъезда под утро — особенно для юных — долгое состояние восторга, и не единожды, вновь и вновь, мысленное возвращение в атмосферу праздника...

Но всё сказанное относится в основном к балам столичным, много реже — губернским, уездные же балы

*Художник Михаил Зичи.
Бал Елены Кочубей*

практически остаются малоизвестными. И это неудивительно — досуг провинциального дворянства не часто привлекал внимание писателей и оставил слабый след в мемуаристике. Поэтому столь ценны любые упоминания о балах, которые украшали повседневный быт небогатых дворянских семей, постоянно проживавших в небольших городах и помещичьих усадьбах.

Эти рассуждения вполне применимы и к Коломне более чем столетней давности — городу торгово-ремесленному, экономичному и нравы которого в значительной мере

определяли купцы и мещане, составлявшие более 87% жителей. Но носителями традиции бальных увеселений являлись именно местные дворяне (личные и потомственные), хотя доля этого сословия в составе населения была невелика и постепенно сокращалась: в середине XIX века — менее 2,5% (340 человек с семьями), а к исходу века — 0,19% (89 человек). Некоторые из них занимали государственные должности с соответствующим жалованьем, большинство же получали доходы от небольших поместий в Коломенском уезде или от сдачи в аренду городской и сельской недвижимости. Укажем, что в Коломенском уезде располагались и владения известных фамилий — Бибиковых, Гагариных, Голицыных, Литта, Санти, Шереметевых, Черкасских и др., и дворян средней руки — чиновников или отставных офицеров. (Всего в уезде насчитывалось более 300 помещичьих усадеб). Часть владельцев находилась в своих имениях постоянно, другие предпочитали летнее время или праздники. Но вне зависимости от длительности пребывания в деревне поддержание соседских связей считалось важным элементом корпоративной этики, и поэтому приглашения на любого рода развлечения должны были восприниматься благосклонно и охотно посещаться. К числу рьяных любителей танцевальных вечеров можно отнести и офицеров воинских частей, расквартированных в городе и ближайшей округе. Для них такие собрания — это и повод вырваться из череды армейских будней, и место встреч с дамами сердца или будущими невестами. Таким образом, не вызывает сомнений наличие в Коломне немало числа потенциальных устроителей и участников балов.

Необходимую нам информацию о коломенских балах содержат несколько литературных памятников. Это мемуары Н. П. Гилярова-Платонова («Из пережитого»), Н. И. Мамаева («Записки»), графа М. Д. Бу-

турлина («Записки»), Ф. А. Степуна («Бывшее и несбывшееся»), а также автобиографическая повесть И. И. Лажечникова «Беленькие, чёрненькие и серенькие». При всей разнородности, неравнозначности и фрагментарности приводимых авторами сведений, тем не менее их изучение позволяет с высокой степенью достоверности воссоздать картину балов в подмосковной Коломне как формы публичного досуга, внутрисословного (дворянского) общения и ответить на вопросы, каким образом проходили эти увеселения и кто здесь устраивал балы?

Во-первых, это были статусные лица местной администрации — городничий, уездный предводитель дворянства. В мемуарах Гилярова-Платонова упоминается бал, который дал городничий в своём доме на Посадской улице по случаю собственных именин. Видимо, это было настолько зрелищно, что десятилетний Никита Никитский не поленился просидеть с сестрой «целую ночь напролёт у окна», наблюдая из отцовского дома за неведомой ему — сыну приходского священника — дворянской «цивилизацией» и подмечая, как признаётся писатель, каждую мелочь, которая доходила от «образованного класса». Приведённые мемуаристом данные, конечно, скудны, но и они позволили определить, что бал состоялся примерно в середине 1830-х годов в доме коломенского городничего, коллежского советника Василия Яковлевича Губерти, прослужившего в этой должности более 22 лет (до 1843 года). Праздник, скорее всего, затянулся до утра, и любопытные юные соседи городничего смогли видеть торжественный приход гостей, их прогулки по Посадской в антрактах между танцами и разъезд поутру.

К числу жаждущих организовывать званые вечера с непременно танцами резонно отнести и те семьи, где «маменьки» подросших дочерей были готовы, как определил И. И. Лажечников, употребить «все возможные и невозможные средства», дабы привлечь в свой дом «завидного женишка». И хотя известный романист (напомним, коломенский уроженец) красочно обрисовал картины таких увеселений, происходивших не в его родных местах, а «в одном из подмосковных губернских городов», можно с большой долей вероятности предположить, что и в купеческо-мещанской Коломне дворяне были серьёзно озабочены проблемой замужества «единственной дщери или одной из бесчисленных дочек» именно за отпрыска из благородных фамилий.

Устроителями празднеств были и коломенские «хлебосольные помещики». О торжестве в имении одного из них — Василия Сергеевича Крюкова, который весной 1834 года с размахом отметил именины своей жены, сообщается в «Записках» Н. И. Мамаева (опубликованы в издании «Коломенский альманах». Вып. 21. Коломна, 2017). Их автор в 1834–1838 годах служил в Оренбургском уланском полку, передислоцированном из села Красная Пахра под Подольском в Коломенский уезд. Приводимые в его мемуарах детали бальной церемонии уникальны применительно к Коломне. Приведём их подробнее.

Итак, 15 апреля юнкер Николай Мамаев был приглашён вместе с полковыми офицерами в поместье В. С. Крюкова, находившееся в селе Павлево в 10 верстах (почти 11 км) от Коломны. Любопытно, что для поездки Мамаев с братом наняли рыдван, т.е. большую извозную телегу, по причине строгого запрета юнкерам пользоваться любыми экипажами

(колясками, каретами, дрожками и др.). Приехав, они увидели, что основные гости уже собрались: почти весь двор был заставлен экипажами всевозможных видов и размеров, начиная каретой и кончая рыдванами. Как видим, Крюкову оказали честь дворяне самого разного состояния и достатка.

Поначалу все прибывшие были приглашены в зал к «сытному завтраку», залитому «порядочным количеством вин и домашних наливок, настоянных на разных ягодах». Затем хозяин, страстный любитель охотничьих собак, повёл мужчин на псарню показывать своих гончих и борзых. Далее последовал осмотр конюшни, скотного двора и других построек (кстати, девятнадцатилетнему юнкеру это казалось совершенно излишним, ибо он беспрестанно думал о приглянувшейся ему «красивой брюнеточке» Верочке — дочери владельца села Юренёво подполковника П. А. Павлова).

Наступило время обеда, на котором произносились тосты «за здоровье именинницы и хозяина дома» (Мамаеву выпало сидеть напротив Верочки и её матери). После обеда, как только очистили зал от столов, явились полковые трубачи — роговой оркестр (такие оркестры, исполняя на охотничьих рогах музыкальные произведения, были популярны в России в середине XVIII — первой половине XIX веков; известны они при дворе Александра I и в домах видных сановников — Нарышкиных, Строгановых, Шереметевых и др.). Последовательность танцев полностью соответствовала принятому в ту эпоху порядку: они начинались «неизменным польским», сменялись турами вальсов и кадрилиями и оканчивались мазуркой и котильоном (воздадим должное разнообразию репертуара рогового оркестра!). В неспешном полонезе все гости, «и старые и молодые, тянулись длинной вереницей», а после торжественного шествия кавалеры ангажировали барышень на последующие танцы. В перерывах кавалеры усаживали своих избранниц на приготовленные стулья, занимали беседками и флиртовали. При обоюдной приязни разговоры прерывались только фигурами танца, при которых пары на несколько секунд вынужденно расходились. (Всё это происходило и с нашим героем, который весь вечер не оставлял Верочку, «забрав» себе и кадрили, и мазурку, и котильон; к исходу дня молодые люди прониклись взаимной симпатией, сидели рядом и весело болтали, называя друг друга «брат» и «милая сестра» — Николай удивительно походил на брата Верочки).

После танцев состоялся поздний ужин. По причине удалённости Павлеева от города и собственных имений, большинство приглашённых остались ночевать у Крюкова. Для мужчин очистили флигель дома, настлали на полу сена, покрыли его коврами, а из экипажей снесли все, какие нашлись, подушки и соорудили импровизированное ложе (напомним, что экипажи «комплектовались» подушками для смягчения тряски на ухабах или ямах, которыми изобиловали тогдашние дороги). На другой день после завтрака все гости разъехались.

Как было сказано, инициаторами «танцевальных собраний» являлись офицеры: в 1830 годах — Оренбургского уланского полка, 1850-х годах — батареей батареи великого князя Михаила Павловича, в 1860-х годах — батарее Резервной конно-артиллерийской бригады, а в начале 1900-х годов — 5-го мортирного артиллерийского полка (здесь служил Ф. А. Степун). Такие мероприятия организовывались «по подписке»

Зичи М. Бал Кочубей

и проводились в помещении офицерского собрания (клуба): заранее назначался «директор» (распорядитель), который руководил церемонией. Веселье начиналось ужином, а затем следовали танцы (вальсы, кадрили, мазурки) под музыку военного оркестра — рогового в 1830-х и духового в 1900-х годах (последний летом играл на «блюдечке», традиционном месте гуляний горожан, а зимой — на катке).

Для участия в офицерских балах могли приглашаться почётные гости из других воинских частей или официальные лица. Как пример приведём приезд в Коломну осенью 1853 года делегации из Рязани, подробно описанный в «Записках» Бутурлина (выражаем благодарность В. А. Ярхо, указавшему на этот ценный источник). Приглашающей стороной выступали офицеры батареинной батареи великого князя Михаила Павловича, которые, по словам мемуариста, увязали день бала, 19 ноября, с очередной годовщиной восшествия на престол Александра I. Здесь нельзя не отметить возможную неточность датировки Бутурлина: день коронации императора приходился на 15 сентября 1801 года, а на 19 ноября 1825 года — кончина. Правда, если допустить, что артиллеристы решили совместить два памятных события, то в этом случае датировка «Записок» может быть принята.

Состав рязанских гостей был весьма представительен: губернатор Пётр Петрович Новосильцев, его супруга Мерепа Александровна, отставной полковник Николай Андрианович Дивов и два чиновника особых поручений — Александр Иванович Протасьев и Михаил Дмитриевич Бутурлин. Столь видные персоны оказали внимание Коломне не случайно. Видимо, роль сыграли и достойный повод (память императора почиталась особо, как победителя Наполеона), и возможность продемонстрировать уважение к начальствовавшему над артиллеристами великому князю Михаилу Павловичу (брату Александра I).

*М.Д. Бутурлин в юности
(1820-годы)*

Примечательно включение в «депутацию» Н. А. Дивова — действительного статского советника, бывшего вице-губернатора Санкт-Петербургской губернии и шталмейстера (смотрителя конюшен) Двора великого князя Михаила Павловича. Пикантность ситуации состояла в том, что из-за немилости императора Николая I Дивов пребывал уже двадцать пять лет вне военной и гражданской службы. Тем не менее

губернатор не побоялся взять его в Коломну, хотя, по замечанию мемуариста, Пётр Петрович был человеком «неукоризненным» и не делал «ничего противозаконного ради страха или в угодность петербургским влиятельным лицам». Скорее всего, формальным основанием положительного решения Новосильцева послужили военные заслуги Дивова как участника Бородинского сражения и Заграничных походов 1813–1814 гг., его близость к великому князю и длительная служба в лейб-гвардейской артиллерии.

Что касается статуса двух «мелкотравчатых чиновников», то, по саркастическому замечанию Бутурлина, их «особое поручение» состояло в сопровождении Меровы Александровны как «телохранителей», которое придавало супруге губернатора «некоторую сановитость».

В «Записках» не воспроизведена картина «Коломенского бала», что вполне объяснимо: для Бутурлина, посещавшего еженедельные клубные балы в Рязани, увеселение в Коломне не являлось событием, в отличие от ярких впечатлений Мамаева, обострённых новизной обстановки и юношеской влюблённостью. (Справедливости ради укажем, что и Мамаев не описывает в подробностях другие офицерские вечера, хотя они были местом его романтических свиданий). Тем не менее некоторые интересные детали автор нам всё же сообщает. Это имена директоров бала («полковники Вокар и Щебальский»), двухдневная длительность праздника (возобновлён «на следующее утро»), хлебосольство хозяев и обилие на столе напитков (Бутурлин «воспользовался случаем... не пощадить артиллерийского шампанского, так что был на полувзводе» на обратном пути в Рязань), большое количество приехавших на праздник гостей (единственная гостиница и постоялые дворы «были заняты по случаю клубного бала»), особая забота хозяев об устройстве гостей первого ранга (для губернатора с супругой и Дивова «квартиры были заготовлены») и полное пренебрежение местом ночлега мелких чиновников (даже полиция оказалась не в силах определить их на ночь, и в роли спасительницы выступила Меропа

Александровна, которая упросила одного из своих бальных кавалеров, поручика Львова, взять Бутурлина и Протасьева «под свой смиренный кров, оказавшийся щегольски отделанным апартаментом»).

Как свидетельствуют мемуаристы, весьма желанными на офицерских балах были знакомые барышни и дамы. Приглашённые, они прибывали на «собрания» в пух и прах разодетые и надушенные, и среди них могли быть как робкие провинциальные невесты, так и самоуверенные коломенские львицы. Заметим, что на рубеже XIX и XX веков сословные барьеры постепенно уходили в прошлое и, если вышеназванный юнкер Мамаев ухаживал исключительно за дочерью подполковника Павлова и княгини Хованской, то вольноопределяющийся Степун и его сослуживцы могли проводить время с бойкими купеческими дочками, развязными вдовами, гувернантками и ухаживать за «Афродитами небесными» — дочерьми местного священника.

Детали интерьера комнат Коломенского офицерского собрания остались неизвестными, но о богатстве их внутреннего убранства можно судить хотя бы по упомянутой Степуном парадной лестнице, «уставленной тропическими растениями и устланной красной дорожкой».

На офицерских танцевальных вечерах практиковалась игра в карты (в отдельном зале), да и в отношении выпивки brave военные далеко не всегда были сдержанны. Бывали здесь и конфликты, один из которых — между поручиком Н. П. Колюбакиным и командиром Оренбургского уланского полка полковником И. А. Евреиновым — привёл к разжалованию поручика в рядовые и отправке на Кавказ, а полковника — к понижению в должности и переводу в Мариупольский гусарский полк. Кстати, это происшествие лишь на короткое время прервало череду вечеров: они возобновились в полной мере с назначением на должность полкового командира князя А. К. Ливена.

Итак, в XIX веке дворянская досуговая культура российской периферии, в частности уездной Коломны, явно тяготела к губернским и столичным образцам. И если нам заранее неизвестно, что описываемые в воспоминаниях увеселения происходили в провинции, то принципиальных отличий от аналогичных праздников в больших городах мы не обнаружим. Мемуаристы (особенно Мамаев) исторически справедливо увязывают развлечения коломенских помещиков с традициями сословно-корпоративной этики, с тесными личными и семейными связями в военной среде — с молодцеватыми уланами, а позднее — офицерами-артиллеристами. И даже если нам ничего неизвестно о сугубо дворянских вечерах в Коломне начала XX века, вовсе не значит, что они исчезли, не оставив и следа. Ускорившаяся после отмены крепостного права трансляция лучших образцов дворянского быта на повседневную и праздничную культуру купечества, мещанства, разночинной интеллигенции и образованных рабочих способствовала формированию элементов городской культуры нового времени — общедоступной и внесословной. В Коломне постоянно устраивались музыкально-вокальные вечера гастролирующих артистов, выступления участников кружка любителей музыки и драматического искусства, театральные постановки самодеятельных и профессиональных актёров, приуроченные к официальным праздникам, или благотворительные концерты в Общественном собрании и местных гимназиях.

Осенний бал выпускников клуба Княжий стяг. Коломна. 29 августа 2015 г.

а для военных — семейно-карточные вечера Распорядительного комитета офицерского артиллерийского собрания.

Многое из этого наследия было востребовано в советскую эпоху. Неотъемлемой частью досуга горожан стали выпускные балы в коломенских школах, осенний бал студентов педагогического института и новогодний бал, организуемый профсоюзным комитетом Коломзавода во Дворце культуры. Но подлинный ренессанс бальной культуры наблюдается в настоящее время на фоне общественного интереса к культуре императорской России. И хотя в Коломне пока не проходят масштабные городские праздники по образцу московского Венского бала, бальные традиции и здесь получили развитие, обрели новый/старый облик. Устроители стремятся следовать старинному этикету, и поэтому участники балов в вузах, колледжах, школах, клубах и Дворцах культуры радуют зрителей и красивыми танцами, и статью, и причёсками, и вечерними платьями в пол. ...И тогда свершается чудо — «машина времени» переносит всех в сияющий огнями зал девятнадцатого столетия, где, по словам А. Пушкина, «Однообразный и безумный, / Как вихорь жизни молодой, / Кружится вальса вихорь шумный; / Чета мелькает за четой».